

VII 45
— 10

ученикъ поматогомъ министерства народнаго просвѣщенія доущенъ въ выпискѣ въ учебныя
библіотеки городскихъ училищъ.

Толъ изданія десятый.

ЯНВАРЬ.

№ 6.

1917.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

- ВЪ МОРОЗЪ (стих.).
- ДѢВЧОЧКИ.
- ПО ПОЛЮ ВЪ ЛѢСЪ (стих.).
- ЧЕГО ЕЩЕ ЖЕЛАТЬ? (стих.).
- ПРИЕМЫШЬ (повѣсть).
- ЗАПИСКИ КРИ-КРИ.
- ГОЛОВОЛОМКИ.
- РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

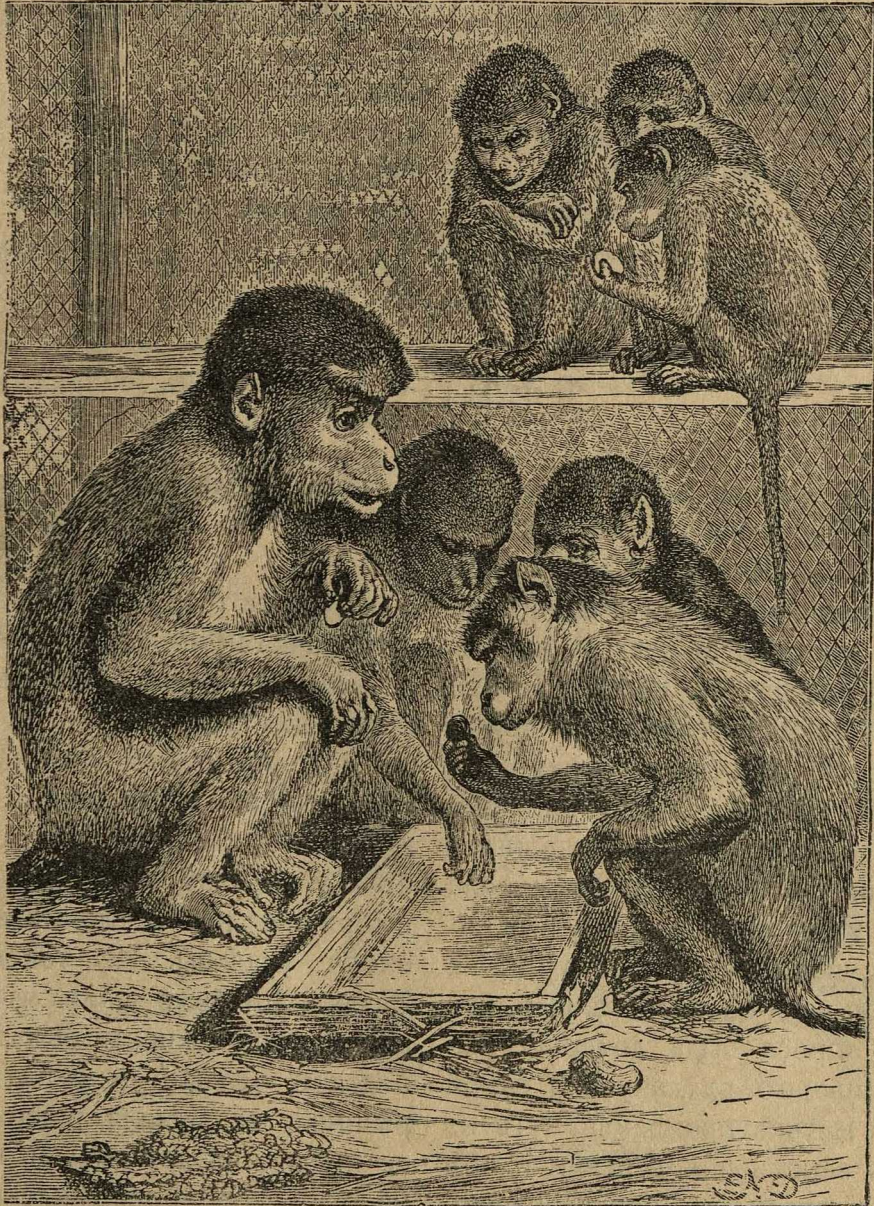
№ 6. Январь. 1917.

Годъ изданія X-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Мартышки.

ВЪ МОРОЗЪ.

Трещить морозъ... На вѣткахъ иней
И подь ногами снѣгъ хруститъ...
А вдалькѣ, весь въ дымкѣ синей,
Озябшій, голый лѣсъ стоитъ.

Лишь каркнетъ изрѣдка ворона,
Да пѣсъ залаетъ на селѣ
И смолкнетъ вновь... А съ небосклона
Ужъ ночь спускается къ землѣ,

На небѣ, красномъ отъ заката,
Блеститъ рогатый серпъ луны
И все, молчаніемъ объято,
Стоитъ средь мертвой тишины.

Она ползетъ—и на верхушкахъ
Деревьевъ гаснетъ ужъ закатъ.
Морозъ трещить... Уже въ избушкахъ
Огни привѣтливо горятъ...

Кузнечикъ.

ДѢВОЧКИ.

Фрося и Катька не могли не замѣтить охлажденія къ себѣ господской дочери Ниночки, когда она послѣ цѣлаго года ученья вернулась обратно къ себѣ въ усадьбу изъ города и привезла съ собой гостить своихъ институтскихъ подругъ. Прежде обѣ онѣ бывали у нея каждый день, бѣгали съ нею по парку и считали себя ея единственными подругами, а теперь она сразу дала имъ почувствовать разницу ихъ положеній, показала имъ, что онѣ не равня ей,—и онѣ перестали у нея бывать. Фрося была дочерью рыбака, жившаго въ лачугѣ у самой рѣчки, а Катька приходила чуть не за пять верстъ изъ деревни и обѣ онѣ пролѣзали въ паркъ черезъ дыру въ заборѣ и каждый день являлись въ условленное мѣсто и под-

жидали, когда выйдетъ къ нимъ Ниночка. Но теперь все измѣнилось.

— Охота тебѣ водить знакомство съ дѣвочками изъ другого общества! сказали однажды Ниночкѣ ея институтскія подруги.

Она послушалась ихъ и сразу-же прекратила съ Фросей и Катькой знакомство. Фрося обидѣлась, за сѣла у себя въ рыбацкѣй избушкѣ и больше никто уже не видалъ ее около усадьбы. Не такова была Катька. Ей было жаль, что она лишилась возможности бывать въ господской усадьбѣ и играть съ барышней, ее мучила ревность, что ее предпочли другимъ, и она брала на руки своего новорожденного братишку Петьку, ходила съ нимъ къ парку и садилась около дыры въ

заборѣ въ надеждѣ, что ее замѣтятъ дѣвочки и позволятъ ей съ ними поиграть. Въ такихъ случаяхъ она клала Петьку на траву и онъ спалъ все время, пока она заглядывала въ дыру и старалась обратить на себя вниманіе своей бывшей подруги барышни Ниночки.

Однажды она пришла съ Петькой къ парку, сѣла у дыры и стала поджидать. Вдругъ по дорожкѣ, которая вела къ берегу рѣки, послышались голоса и шаги. Катька заглянула сквозь заборъ. Впереди шла Нина и за ней слѣдовали толпой ея новыя подруги: двѣ институтскія и одна—дочь сосѣдняго помѣщика. Всѣ онѣ приближались именно къ тому мѣсту, гдѣ сидѣла Катька. Сердце у нея забилось. Неужели ее не замѣтятъ?

Но Нина замѣтила ее.

— А вонъ Катя сидитъ у забора! указала она подругамъ.

И она свернула въ боковую аллею и быстро сбѣжала внизъ къ Катькѣ.

— Ты здѣсь? спросила она.—Отчего-же ты ко мнѣ не идешь?

— Катька робко опустила глаза.

— А можно? конфузливо спросила она.

— Разумѣется, можно! Лѣзь сюда скорѣе и иди съ нами играть!

Тутъ подошли другія дѣвочки и стали разсматривать спавшаго Петьку.

— Какой хорошенькій! сказала одна изъ нихъ.—Спитъ...

— А носикъ, какъ пуговка... сказала другая.

— А ручки! воскликнула третья.— Точно перетянуты ниточками... Вотъ прелесть! Дай, я его подержу!

Нина поглядѣла на Петьку, посмотрѣла на рѣку и камыши и мечтательно проговорила:—

— Точно Моисей, котораго нашла дочь Фараона...

И вдругъ лицо ея оживилось и глаза заблистали.

— Знаете что? вдругъ воскликнула она съ восторгомъ, — Я придумала новую игру!

— Какую? спросили дѣвочки и окружили ее со всѣхъ сторонъ.

Нина самодовольно улыбнулась.

— Мы будемъ играть въ Моисея!..

— Какой хорошенькій!..

Дѣвочки переглянулись.

— А гдѣ-же мы его возьмемъ? спросили онѣ.—Какъ мы будемъ въ него играть?

— Катя уступить намъ своего Петьку, начала Нина,—мы положимъ его въ люльку и спустимъ въ рѣку. Когда онъ застрянетъ въ зелени и камышахъ, то мы нарядимся въ египетскіе костюмы, придемъ сюда и найдемъ его. Это будетъ такъ интересно!

Катя съ тревогой посмотрѣла на Петьку.

— Я не дамъ бросать его въ воду!.. сказала она.

— Глупости! отвѣтила Нина. — Мы положимъ его въ камыши у самага берега!

— Но вѣдь его унесетъ теченіемъ! Что я тогда буду дѣлать? Нѣтъ, нѣтъ, я не отдамъ моего Петьку ни за что на свѣтѣ!..

Нина нахмурилась.

— Ты, кажется, начинаешь возражать? сказала она.

Катю испугалъ ея тонъ, она струсила и опустила глаза. Къ тому-же ей ужасно хотѣлось остаться здѣсь съ барышнями и играть.

— Какая-же тутъ опасность? продолжала Нина.—Ты только доставишь намъ удовольствіе и больше ничего.

Катя все еще не рѣшалась.

— Ну, что тутъ въ сущности занятнаго?... робко спросила она.

— Развѣ ты понимаешь? отвѣтила Нина. — Сиди ужъ и молчи!

Для того, чтобы возражать, нужно хоть что-нибудь знать, а ты ровно ничего не знаешь про Моисея.

И, не дождавшись согласія отъ Кати, она продолжала:

— Слушайте. Мы положимъ Петьку въ колыбель и спустимъ его въ воду. Ты, Леночка, будешь дѣвушкой, которая нашла Моисея и доложила о немъ своей госпожѣ, дочери Фараона. Пойдемте одѣваться египтянками!

Лица у дѣвочекъ оживились.

— Египтянками?! воскликнули онѣ.—Вотъ хорошо-то! А какъ одѣвались египтянки? Во что намъ нарядиться? Что намъ надѣть?

Нина была въ восторгѣ отъ своей затѣи.

— Я все знаю и все достану, сказала она.—Мы откроемъ священную исторію и какъ тамъ нарисовано на картинкѣ, такъ и одѣнемся. У мамы есть много разнаго стараго тряпья и мы нарядимся въ него, какъ нужно. Побѣжимте-же скорѣе! Я—дочь фараона, вы—мои подруги, а ты Леночка,—моя служанка. Одна изъ васъ должна быть еврейкой матерью Моисея. Ну, будь ею хоть ты, Мара!

И всѣ дѣвочки побѣжали въ домъ за Ниной. Катя со спящимъ младенцемъ на рукахъ, мучимая страхомъ и сомнѣніемъ, покорно брела позади и боязливо оглядывалась по сторонамъ. Дойдя до дома, Нина схватила ее за руку и потащила въ дѣтскую. Здѣсь она достала куколь-

ную люльку и положила въ нее Петьку. У нея была огромная кукла. Новый Моисей не чувствовалъ ничего и улыбался во снѣ.

Нина торжествовала.

— Ну, точь въ точь, какъ настоящій Моисей! воскликнула она. — Мы привяжемъ его къ люлькѣ лентами крестъ - на - крестъ. Это будетъ и красиво и крѣпко. Вотъ видишь, Катя, какъ я осторожно! Тебѣ вовсе нечего бояться!

Катя была робка, уступчива, а потому тотчасъ-же и согласилась съ Ниной.

И онѣ побѣжали готовить себѣ египетскіе костюмы.

Спустился вечеръ. Солнце склонялось къ западу и косыми, оранжевыми лучами обливало паркъ, рѣку и далекіе луга, убѣгавшіе вдаль по ту ея сторону. Кричали қоростели, въ далекой ржи выстукивали перепела и во всѣхъ концахъ запѣли лягушки. Заныли комары и зажужжали жуки. Наступалъ одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ, милыхъ, теплыхъ вечеровъ, когда, кажется, всю ночь просидѣлъ-бы въ саду, все нюхалъ-бы ароматы и слушалъ крики птицъ и жужжанье насѣкомыхъ.

— Все готово? спросила Нина.

— Все! отвѣтили ея подруги.

И взявъ съ собою люльку съ младенцемъ и крадучись такъ, чтобы ихъ никто не замѣтилъ, дѣвочки побѣжали къ рѣкѣ. Дойдя до берега, онѣ поставили люльку на воду

и тихонько оттолкнули ее палкой къ камышамъ. Люлька закачалась отъ толчка съ боку на бокъ и Петька плавно понесся вдоль рѣки.

— Сейчасъ онъ застрянетъ вонъ въ тѣхъ камышахъ! сказала Нина.

Мара покачала головой и боязливо отвѣтила:

— Напрасно мы затѣяли эту игру!

— Почему? воскликнула Нина — Вотъ ты увидишь сейчасъ, какъ все выйдетъ хорошо!

По щекамъ у Кати стали струиться слезы.

— Люлька покачивается... сказала она.

Онѣ поставили люльку на воду и тихонько оттолкнули ее отъ берега.

Нина измѣрила ее снисходительнымъ взглядомъ и замолчала. Минуты черезъ двѣ люльку прибило теченіемъ къ ближайшимъ камышамъ и она остановилась. Петька по прежнему безмятежно спалъ и не чувствовалъ ничего.

— Ну, а теперь пойдете одѣваться и разыгрывать эту исторію! сказала Нина.—Я пойду въ дѣтскую и сяду на тронъ. Ты, Леночка, будешь еврейкой и останешься здѣсь и будешь поглядывать за Моисеемъ, чтобы онъ не уплылъ, а вы всѣ остальные приходите ко мнѣ и приглашайте меня купаться на Ниль. Эта рѣка пусть будетъ у насъ Ниломъ. Вы придете ко мнѣ и скажете:—«Прекрасная дочь фараона, насталь ужъ вечеръ! Не захочешь ли ты пойти купаться въ прохладныхъ струяхъ величественнаго Нила»? Это будетъ такъ интересно!

Всѣ дѣвочки захлопали въ ладоши и съ веселымъ визгомъ побѣжали къ дому. Уступчивая Катька тоже помчалась вслѣдъ за ними.

Въ дѣтской онѣ одѣлись. Варя сѣла на тронъ, устроенный изъ умывальника, и стала церемонно обмахиваться вѣеромъ.

— Ну, начинайте! сказала она.

Мара выступила впередъ и съ низкимъ поклономъ начала:

— Прекрасная дочь Фараона, сказала она,—насталь уже вечеръ... Не захочешь ли ты пойти купаться въ живительныхъ струяхъ величественной рѣчки Клѣтишни?

— Какой Клѣтишни? возразила Нина.—Это здѣсь наша рѣка Клѣтишня, а въ Египтѣ былъ Ниль!

— ... Въ живительныхъ струяхъ величественнаго Нила! поправилась Мара.

Нина театрально протянула руку впередъ.

— О, Мелисса, милая подруга, отвѣчала она,—хочешь ли ты побѣжать сначала впередъ съ быстротой оленя и обозрѣть твоими зоркими, какъ у пантеры, глазами, нѣтъ ли тамъ кого-нибудь по близости?

— О, прекрасная дочь моего великаго повелителя, продолжала Мара съ низкимъ поклономъ.—Берега Нила пустыни, на нихъ нѣтъ ни одного крокодила, лишь ходятъ священныя птицы Ибисы, да скотница Прасковья полощетъ бѣлье!

И въ то время, какъ въ дѣтской происходило такое представленіе, Моисей-Петька зашевелился въ своей люлькѣ, она покачнулася и ее мѣрно потянуло теченіемъ на средину рѣки. Леночка-еврейка сидѣла не на берегу, а въ дѣтской, и такимъ образомъ прозѣвала Моисея.

— Идите теперь за мной, сказала Нина.—Я иду къ Нилу, чтобы погрузиться въ его прохладныя струи.

Она сошла съ трона, одна изъ дѣвочекъ понесла за ней шлейфъ, другая раскрыла надъ нею зонтикъ,

хотя солнце уже зашло и наступалъ вечеръ, а остальные шли съ кувшинами и полотенцами впереди.

Дойдя до священной рѣки Нила, а по просту до рѣки Клѣтишни, дѣвочки остановились и оглядѣлись по сторонамъ.

— А гдѣ-же Петька?—съ тревогой спросили онѣ одна другую.

Новый Моисей уже былъ далеко на серединѣ рѣки и его несло течениемъ туда, куда еще ни разу не доплывали во время купанья ни сама Нина, ни ея подруги. У Катьки похолодѣло подъ сердцемъ.

— Петя! Петя!—закричала она въ отчаяніи.—Гдѣ ты?

Она съ тревогой забѣгала взадъ и впередъ, но ни у берега, ни въ камышахъ, ни въ далекомъ кустарникѣ не было видно ничего. Нина въ ужасѣ позабыла, что она дочь Фараона и пришла купаться. Остальные дѣвочки, какъ испуганныя овечки, столпились въ кучку и прижались одна къ другой.

— Петя! Петя!—закричала Катька.—Господи, что-же теперь будетъ? Куда онъ могъ дѣваться?

И всѣмъ въ голову пришла страшная мысль, что онъ утонуть.

Что оставалось дѣлать? Бросаться въ воду и плыть невѣдомо куда? Бѣжать поскорѣе въ домъ и обо всемъ рассказать старшимъ, чтобы подвергнуться затѣмъ наказанію?..

— Но что-же вы стоите?..—обратилась вдругъ Нина къ подругамъ.—

Говорите-же скорѣе, что дѣлать? Какъ быть?

Она была блѣдна, лицо ея исказилось страхомъ и губы ея дрожали.

— Господи, говорила она и ломала себѣ руки,—зачѣмъ я затѣяла эту глупую игру? Почему вы меня во-время не остановили?

И ей было досадно и на себя, и на нихъ и захотѣлось вдругъ упасть на землю, кричать и стучать отъ горя ногами.

— Почему вы не удержали меня?—плакала она.—Почему вы меня не остановили?

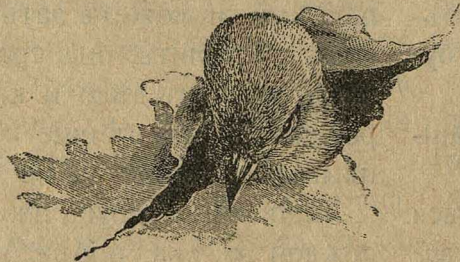
И вдругъ ей пришла въ голову мысль, что если-бы съ ней была, дочь рыбака Фрося, та самая Фрося, съ которой она поступила такъ высокомерно, что разошлась съ нею навсегда, то эта бѣдная дочь рыбака никогда не допустила-бы ее сдѣлать такую тяжкую глупость и навѣрное нашлась-бы и теперь, если-бы была здѣсь. Да, Фрося серьезнѣе всѣхъ этихъ дѣвочекъ, вмѣстѣ взятыхъ, и можетъ дать ей совѣтъ, какъ поступить, она сразу сообразить, въ чемъ дѣло и какъ спасти ребенка, если онъ еще живъ и еще плыветъ гдѣ-нибудь по рѣкѣ.

Лицо Нины вдругъ оживилось надеждой и она побѣжала къ той дырѣ въ заборѣ, черезъ которую всегда пролѣзала къ ней эта глупенькая Катька, потерявшая теперь голову такъ-же, какъ и всѣ, и вылѣзла изъ нея на лугъ. Отчаяніе

По полю въ лѣсъ бѣжить дорожка,
Цвѣтутъ ромашки по бокамъ
И гроздь дикаго горошка
Въ травѣ синѣютъ здѣсь и тамъ.
И надъ пучками алой каши,
Чтобъ показать свою красу,
Порхаютъ бабочки, букашки
И пчелки пьютъ съ цвѣтовъ росу.
Мы этой милою тропинкой
Съ тобой въ лѣсокъ скорѣй поидемъ
И тамъ подъ нѣжною осинкой,
Въ тѣни отъ зноя отдохнемъ!

Кузнечикъ.

Задумалась.

придало ей силы и, сорвавъ съ себя свой нелѣпый шлейфъ, она со всѣхъ ногъ побѣжала къ избушкѣ рыбака, прикорнувшей въ полуверстѣ отъ парка на берегу рѣки.

Она бѣжала, то спотыкаясь, то падая, то поднимаясь вновь, и чувствовала, что вотъ-вотъ дыханіе у нея прервется и она лишится чувствъ и упадетъ на траву.

— Господи, помоги мнѣ добѣжать!.. — молилась она. — Дай, Боженька, мнѣ силъ, чтобы я бѣжала скорѣе! А что, если Фрося все еще обижается на меня и не согласится намъ помочь?

И эта мысль пугала ее и холодомъ леденила ея сердце. Она тяжело дышала, еле переводила духъ, ноги у нея заплетались, а издали до ея слуха доносились отчаянные вопли Катьки:

— Петя! Петя!

Фрося сидѣла у себя въ избушкѣ и починяла отцовскія сѣти. Она давно уже не была въ усадьбѣ, думала о Нинѣ, ей хотѣлось съ ней повидаться, и было больно и тяжело, что ее забыли и такъ грубо оттолкнули. Она хмурилась, вздыхала и ея руки работали на этотъ разъ медленно и неловко.

Она любила Нину, скучала по ней и ей было тяжело, что онѣ не видались уже такъ долго и что ихъ дружбѣ, повидимому, пришелъ уже конецъ.

И вдругъ дверь отворилась и въ избушку вбѣжала Нина въ сбив-

шемся на стороны египетскомъ костюмѣ. Фрося вскрикнула отъ радости и бросилась къ ней навстрѣчу.

— Барышня! воскликнула она. — Миленькая! Сколько лѣтъ, сколько зимъ!

Но увидивъ искаженное страхомъ лицо Нины, она сразу-же спохватилась и отступила назадъ.

— Что съ вами, барышня? робко спросила она ее.

— Фрося, Фрося! закричала въ отвѣтъ Ниночка. — Спаси меня, иначе я погибла!

Фрося ничего не понимала и вопросительно поглядѣла на свою бывшую подругу.

— Въ чемъ дѣло? спросила она. — Что случилось?

— Мы утопили маленькаго Петьку...

Она упала головой на грудь Фроси и зарыдала, какъ маленькое дитя.

— Да расскажите-же мнѣ все! заторопила ее Фрося.

— Въ чемъ дѣло? Успокойтесь немного и расскажите. Я ничего не понимаю.

Нина подняла голову и, краснѣя со стыда, стала рассказывать, какъ она съ подругами затѣяла игру въ Моисея, какъ онѣ положили Петьку въ люльку и спустили его на воду и какъ, возвратясь обратно въ рѣкѣ, уже не нашли его около берега.

— Что теперъ дѣлать? — всхлипывала она. — Что теперъ дѣлать? Если онъ не найдется, то я съ горя и отчаянія умру!

Фрося поблѣднѣла, лицо ея сдѣлалось серьезнымъ и въ глазахъ сверкнула рѣшимость.

— Въ какомъ мѣстѣ вы спустили люльку на воду?—спросила она Ниночку.

— Около камышей, недалеко отъ нашего парка...

Фрося набросила на плечи платокъ и схватила ее за руку.

— Бѣжимъ!—сказала она.

И обѣ дѣвочки, что было силъ, побѣжали къ берегу.

У куста лозняка была привязана лодка. Фрося вскочила въ нее и стала разматывать цѣпь, которой она была прикрѣплена къ кусту.

— Помогите же мнѣ отвязать скорѣе цѣпь!—сказала она.—Вотъ такъ!.. А теперь бѣгите поскорѣе домой и скажите тамъ всѣмъ. Пусть всѣ сбѣгаются къ рѣкѣ и принимаютъ мѣры... Прощайте!..

Она взмахнула веслами, привычно стала грести ими по водѣ и понеслась вдоль рѣки, какъ птица. И пока она плыла внизъ, въ ту сторону, куда уносило теченіемъ Петьку, Ниночка изъ всѣхъ силъ бѣжала вдоль берега домой, крестилась и повторяла:

— Господи, прости меня! Господи, спаси его и не дай ему утонуть!..

Она прибѣжала домой, но не застала тамъ уже никого. Всѣ были уже на берегу, суетились, кричали, развертывали неводъ, чтобы ловить имъ Петьку, если онъ уже утонулъ, и размахивали руками. Мать Нины

вся въ слезахъ, стояла на берегу и испуганными глазами глядѣла на рѣку. Катька всплескивала руками и все повторяла:

— Петенька! Петя!..

Дѣвочки въ испугѣ столпились въ кучку. Отецъ громко отдавалъ приказанія мужикамъ, которые сбросили съ себя рубашки и сапоги и въ однихъ панталонахъ готовы уже были войти въ рѣку. Мать Петьки каталась по берегу, причитала и вела.

А Петька все плылъ и спокойными, довѣрчивыми глазками смотрѣлъ на небо и на румяныя отъ заката облачка. Ему было удобно и стоило только пошевелиться, какъ его люлька начинала качаться съ боку на бокъ и походило на то, будто его качала сама его мать. Одно только было нехорошо: ему хотѣлось ѣсть, а его мать гдѣ-то задержалась и не приходила, чтобы дать ему пососать.

Верстахъ въ двухъ ниже усадьбы былъ островъ, раздѣлявшій рѣку на два рукава; въ одномъ изъ нихъ былъ такой водоворотъ, что плыть черезъ него не представлялось возможности. Если люлька съ младенцемъ поплыветъ тамъ, по этому теченію, то прежде чѣмъ Фрося догонитъ ее, спасенія нѣтъ. Это Фрося знала и знали всѣ въ усадьбѣ, и даже дѣти, и потому страхъ и напряженіе усиливались съ каждой минутой.

— Запрягайте поскорѣе лоша-

дей!—раздались голоса. — Пошлите верхового къ тому мѣсту, чтобы онъ могъ догнать ребенка, если его отнесло уже туда. Пусть онъ скачетъ вдоль берега и глядитъ!

—Я поѣдута сама!—рѣшила мать Ниночки и побѣжала къ усадьбѣ. Ниночка послѣдовала за ней.

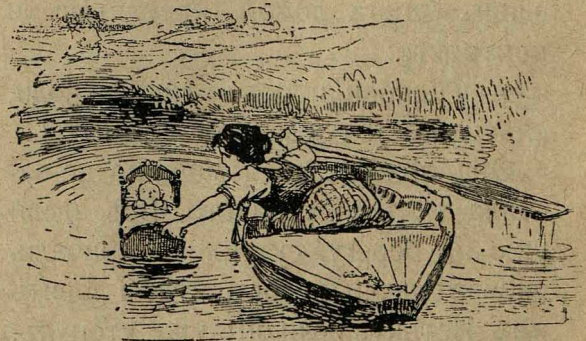
Между тѣмъ вечеръ спускался все ниже и шире и наступили сумерки. Заквакали повсюду лягушки, которымъ ни до чего не было дѣла, запѣли соловьи и замычало возвратившееся съ поля стадо. Фрося взмахивала веслами, работала изо всѣхъ силъ; съ нея катился градомъ потъ, ея дѣтскія руки уже отказывались ей служить, но она не давала себѣ воли и все гребла и гребла. Мимо нея тянулись берега, камыши и кусты, ее больно жалили въ шею и въ руки комары, но она не обращала на нихъ вниманія и все ближе и ближе подплывала къ водовороту. Если она не увидитъ сейчасъ, за этимъ поворотомъ, колыбели, то значитъ, Петька уже погибъ. Фрося задыхалась, со страхомъ озиралась по сторонамъ, ей нужна была хоть чья-нибудь помощь, но всюду было пусто. Все равно ея крика не услышалъ бы никто. А она такъ устала! Но вотъ ужъ и поворотъ. Она напрягла послѣднія силы и понеслась, какъ стрѣла.

И вдругъ—о, счастье!—она увидѣла впереди, на гладкой поверх-

ности рѣки какую-то черную точку. Что это? Обрубокъ дерева, пенекъ, или желанная колыбель? Фрося взглядѣлась и сквозь сумерки увидела, что это дѣйствительно была колыбель. Изъ нея уже доносился плачь Петьки, хотѣвшаго ѣсть, и этотъ плачь, какъ побѣдная пѣснь, прозвучалъ въ ушахъ дѣвочки. Теперь отъ нея уже зависитъ все: и жизнь ребенка, и счастье и спокойствіе ея подруги Ниночки. Она гребетъ изъ всѣхъ силъ, люлька уже близко, ее несетъ налѣво къ водовороту, но лодка уже нагоняетъ ее. Фрося бросаетъ весла, наклоняется надъ ней и дрожащими отъ напряженія и волненія руками хватаетъ люльку и ставитъ ее на лавку передъ собой. Еще минута и было-бы поздно...

— Спасень!... шепчетъ въ безсиліи Фрося.—Спасень!..

Петька третъ себѣ кулачкомъ носъ. Фрося освобождаетъ его изъ люльки, бросаетъ ее въ воду и прижимаетъ ребенка къ себѣ. Люлька стремительно несется къ водово-

— Спасень!

роту. Но и лодку тоже влечетъ туда-же. Фрося кладетъ ребенка къ своимъ ногамъ, дѣлаетъ взмахъ веслами и пристаетъ къ берегу. Она уже не можетъ вернуться обратно къ усадьбѣ. У нея уже не хватаетъ больше силъ... Еще минута и она лишится чувствъ. Но лодка уже прочно стоитъ у берега и Фросѣ нужно только отдохнуть.

— Господи, помоги мнѣ!.. шепчетъ она.—Дай, чтобы у меня не звенѣло такъ въ ушахъ и не кружилась голова.

Но въ это время слышится вдругъ стукъ колесъ. По берегу, прямо по травѣ, во весь духъ мчится экипажъ, посланный изъ усадьбы къ водовороту. Фрося слышитъ его, дѣлаетъ надъ собой усиліе, вскакиваетъ на ноги, хватается ребенка, и поднимаетъ его кверху.

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! кричитъ она.—Я нашла его! Скорѣе сюда! Скорѣе!

Но силы измѣняются ей, въ ушахъ у нея звенить, шумить, деревья и кустарники прыгаютъ у нея въ глазахъ, она только успѣваетъ положить ребенка на траву и сама валится на дно лодки и лишается чувствъ.

Подѣзжаетъ экипажъ, изъ него выходятъ Ниночка и ея мать и, увидѣвъ ребенка и Фросю, бросаются къ нимъ и начинаютъ отъ радости плакать. Кучеръ слѣзаетъ съ козелъ, беретъ на руки Фросю и нѣжно кладетъ ее въ экипажа. Онъ

открываетъ глаза, улыбается и только и можетъ произнести: — «Онъ спасенъ!..» Ниночка бросается къ ней, прижимаетъ ее къ себѣ и, пока экипажъ возвращается въ усадьбу, плачетъ, плачетъ безъ конца.

А затѣмъ они приѣзжаютъ домой. Фрося уже совсѣмъ пришла въ себя и когда экипажъ подкаты-

— Ко мнѣ! Ко мнѣ! Я нашла его!

ваетъ къ дому, она скромно вылѣзаетъ изъ него и скромно плетется къ себѣ домой.

— Фрося, ты куда? спрашиваетъ ее Ниночка.

— Домой, къ отцу... просто отвѣчаетъ она.

Ниночка вопросительно смотритъ на мать.

Ея мама понимаетъ ее и, догнавши Фросю, схватываетъ ее за руку, и ведетъ ее назадъ.

— Тебѣ не зачѣмъ уходить домой, говоритъ она.—Я пошлю сейчасъ за твоимъ отцомъ и расскажу ему все. У тебя нѣтъ матери,

ты сирота, и навсегда останешься здѣсь у насъ.

Фросѣ кажется, что она слышитъ эти слова во снѣ.

— И я буду каждый день играть съ барышней? спрашиваетъ она съ восторгомъ.—И жить здѣсь?

— Да, да, отвѣчаетъ мать Ничочки.—Ты останешься у насъ со всѣмъ.

Фрося взвизгиваетъ и бросается къ ея рукѣ. А затѣмъ всѣ дѣвочки

заливаются звонкимъ счастливымъ смѣхомъ и, взявшись за руки, убѣгаютъ въ домъ.

А на дворѣ во все горло надрываются соловьи и по ту сторону рѣки, на лугу, дергаютъ коростели. Маленькій Петька уже дома, насокался молочка и крѣпко спитъ. Ему снятся широкая рѣка, высокое небо съ блѣдной звѣздочкой и тихія, мѣрныя покачиванія его игрушечной колыбели.

М. Валдайцевъ.

ЧЕГО ЕЩЕ ЖЕЛАТЬ?

Имѣешь ротъ ты и два уха,
Чего еще тебѣ желать?
Тебѣ доступно все для слуха,
Чего нельзя и рассказать.

Имѣешь ротъ ты и два глаза.
Чего еще тебѣ желать?
Ты можешь столько видѣть сразу,
Что послѣ въ годъ не рассказать.

Имѣешь двѣ руки, и ротъ ты,
Чего еще тебѣ желать?
Руки двѣ даны для работы,
А ротъ—работу поѣдать.

Л.

П Р І Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Женя тоже выдержала экзамены отлично. Ея самостоятельный видъ и дѣловой тонъ сразу-же обратили на себя вниманіе и преподавателей и ученицъ и, какъ это часто бы-

ваетъ въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ ней стали заговаривать старшія воспитанницы, цѣловать и, спрашивать, кто она и откуда, такъ что къ концу экза-

меновъ она была въ гимназіи уже какъ своя.

— Какая она интересная! говорили между собой ученицы. — Держить себя, точно большая!

Подходила къ ней и какая-то ученица младшаго класса, ея ровесница, которую подруги звали Марусей Хомутовой. Это была родная сестра нашего знакомаго гимназиста Васи. У этой дѣвочки были почему-то очень печальные глаза и она щурилась на свѣтъ и то и дѣло прикладывала руку ко лбу.

— Что съ тобой, Маруся? спрашивала ее классная дама. — Ты больна?

Но Маруся печально улыбалась и насильно старалась казаться веселой.

Приведя Женю въ гимназію, Сергѣй Андреевичъ поредалъ ее съ рукъ на руки дежурной классной дамѣ, а самъ отправился по дѣламъ: ему нужно было побывать и въ банкѣ, и въ земствѣ, и у нотариуса, и въ казенной палатѣ — и на все это требовалось довольно много времени и всюду приходилось ждать. И когда экзамены окончились и Женя вмѣстѣ съ другими дѣвочками вышла изъ гимназіи, то Сергѣй Андреевичъ еще не приходилъ и она оказалась въ положеніи чело-вѣка, попавшаго по щучьему велѣнью за границу.

«Куда-же мнѣ теперь идти?» съ тревогой подумала она. — «Кажется, мы пришли сюда со стороны этого

бульвара! Найду-ли я нашу гостиницу одна »

Пока она такъ размышляла, стоя на тротуарѣ, изъ дверей гимназіи вышла дама съ дѣвочкой. Проходя мимо Жени, дѣвочка улыбнулась ей и поцѣловала ее горячими губами въ щеку. Эта была Маруся Хомутова со своей мамой Ольгой Ивановной.

— Ты куда? спросила она Женю. — Ты гдѣ живешь?

— Мы остановились въ гостиницѣ противъ театра, отвѣтила Женя, — но дядя гдѣ-то задержался и не зашелъ за мной въ гимназію. Кажется, мнѣ надо идти туда?

И Женя указала въ сторону бульвара.

— Да, да! отвѣтила Ольга Ивановна. — Если хочешь, мы тебя доведемъ! Пойдемъ съ нами! Намъ все равно нужно къ театру...

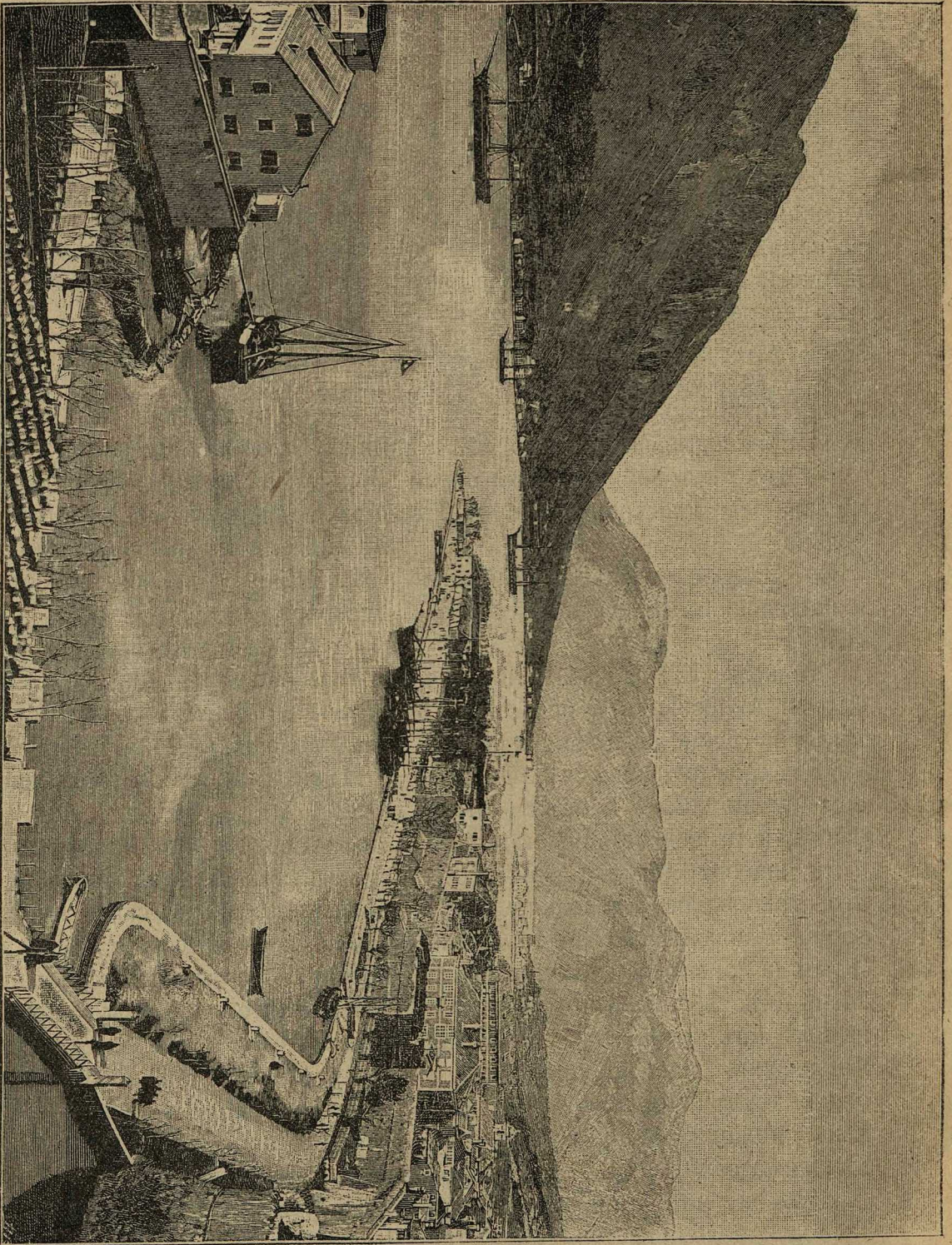
И онѣ втроемъ отправились въ путь.

Всю дорогу Женя болтала, рассказывала, какъ ее экзаменовали, какъ она ѣхала сюда по Волгѣ, вспоминала пассажировъ и смѣялась, а Маруся прижималась къ своей матери и еле волочила ноги. Повидимому, у нея былъ жаръ.

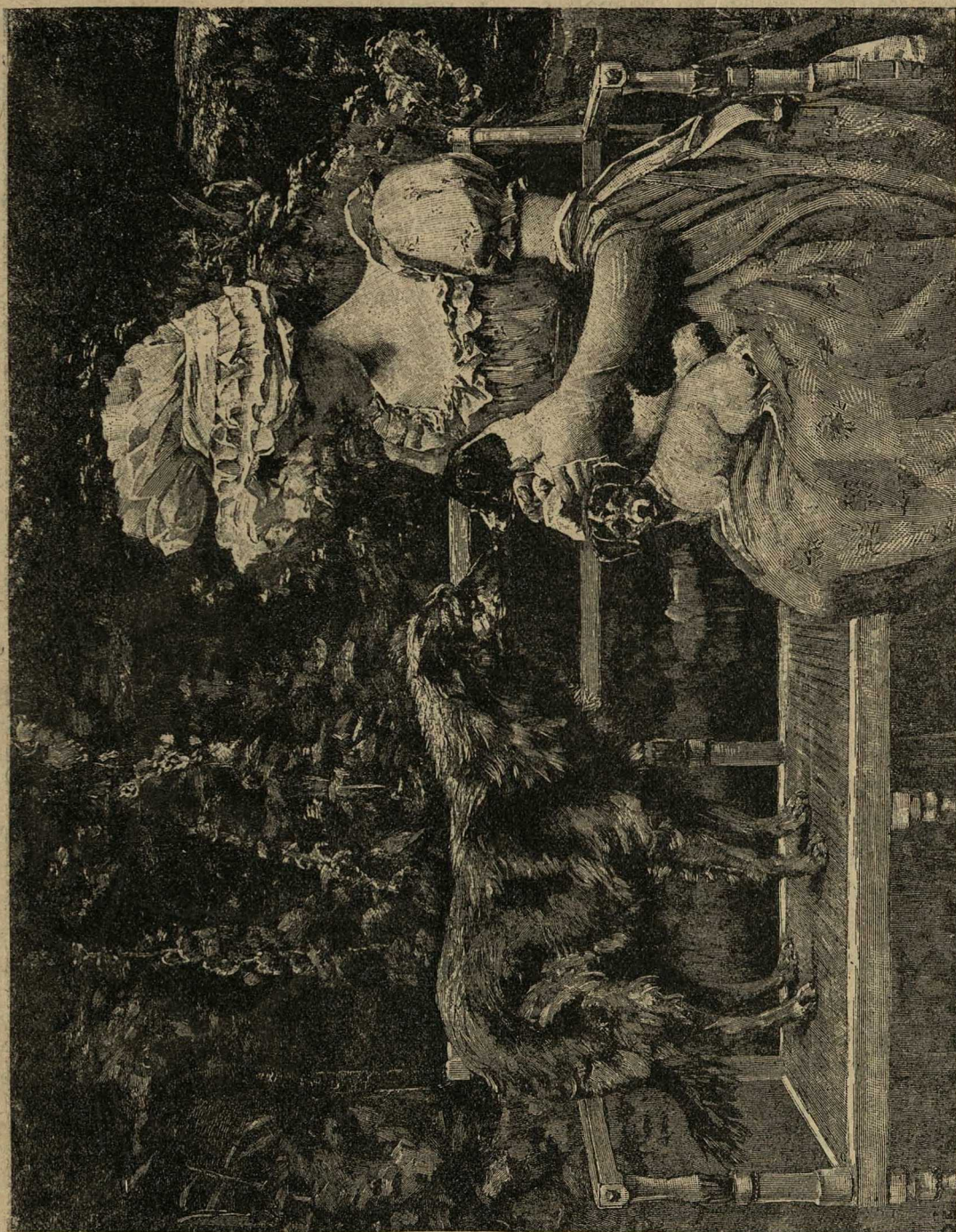
— Что съ тобой, Маруся? спросила ее Ольга Ивановна, когда та неожиданно вдругъ сѣла на скамейку на бульварѣ. — Ты устала?

Маруся утвердительно кивнула головой.

Ольга Ивановна и Женя посидѣли

Городъ Гвакиль въ Южной Америкѣ. Изъ этого города го всему свѣту развозится какао, изъ котораго дѣлають шоколадъ. Какао—это древесное растеніе, съ бурыми плодами, величиной съ лимонъ, внутри плодовъ— зерна, которые высушиваются и измельчаются въ порошокъ. Изъ этого-то порошокъ съ прибавленіемъ къ нему сахара, ванили и сливокъ и дѣлается шоколадъ.

ЗНАКОМСТВО.

вмѣстѣ съ нею и затѣмъ отправились далѣе. Дойдя до дверей гостиной, онѣ стали прощаться.

— Вы еще долго пробудете здѣсь? спросила Ольга Ивановна Женю.

— Не знаю... отвѣтила та.—Какъ только дядя управится со своими дѣлами, такъ, вѣроятно, мы и уѣдемъ домой.

— Такъ ты сегодня-же напиши мамѣ, что выдержала экзамены. Это будетъ ей пріятно.

— У меня мамы нѣтъ... Я никогда ее не видала...

— Ну, папѣ!

Женя вздохнула и опустила глаза.

— И папы у меня нѣтъ... отвѣтила она.—Я живу у дяди.

Ольгѣ Ивановнѣ стало ее жаль. Женя показалась ей круглой сиротой, за которой некому было приглядѣть и которая давно уже не знала, что такое материнская ласка. Она нагнулась къ ней, поцѣловала ее въ обѣ щеки и сказала:

— Если дядя тебя отпуститъ, то приходи къ намъ. Мы живемъ на набережной, въ домѣ Куропаткиной.

Она сказала Женѣ свою фамилію и еще разъ ее поцѣловала.

— Приходи-же, сказала она.

— Хорошо, отвѣтила Женя и сдѣлала ей реверансъ.—Я попрошусь у дяди и если онъ позволитъ, то приду.

И онѣ разстались.

Возвратясь къ себѣ домой, Ольга Ивановна осмотрѣла Марусю и тутъ только убѣдилась, что она была

больна. Марусѣ было жарко; щеки у нея пылали, дыханіе обжигало ей верхнюю губу. Она хотѣла бодриться, но слабость овладѣла уже всѣми ея членами и голова противъ воли валилась на подушку. Какой-то шумъ назойливо звучалъ у нея въ ухахъ и съ каждымъ часомъ ей становилось все жарче и душнѣе.

«Должно быть, я простудилась»... думала она.

Къ вечернему чаю она не вышла, такъ и провалялась цѣлый день на диванѣ. Затѣмъ ей стало очень больно глотать. Она чувствовала боль въ горлѣ еще вчера, но думала, что это пройдетъ. Теперь-же горло стало болѣть такъ сильно, что тяжело было дышать.

Поздно вечеромъ няня Наталья Кирилловна ее раздѣла, затѣмъ кто-то чужой близко поднесъ ей къ самымъ глазамъ свѣчку и приказалъ ей широко раскрыть ротъ.

— Ну, что, докторъ? услышала она голосъ своего папы.

— Подождемъ до завтра, отвѣтилъ незнакомый господинъ.—По всей вѣроятности, это что-то заразное!

Всю ночь въ домѣ не спали. Ольга Ивановна была встревожена, плакала, няня Наташа часто крестилась, а папа на цыпочкахъ ходилъ изъ комнаты въ комнату и не зналъ, за что приняться. Болѣзнь Маруси развернулась какъ-то сразу вдругъ и это его сильно пугало.

Утромъ опять пріѣхалъ докторъ и на этотъ разъ уже опредѣленно заявилъ, что Марусю нужно немедленно-же отправить въ больницу, гдѣ ей будутъ дѣлать прививки и гдѣ меньше будетъ опасности заразиться отъ нея и Васѣ.

И Марусю снова растормошили. Ее обернули въ одѣяло и вмѣстѣ съ докторомъ и няней Натальей Кирилловной отправили въ каретѣ въ больницу.

— Смотри-же, няня, говорила Наташѣ Ольга Ивановна, — будь осторожна сама! Находишь неотлучно при Марусѣ! Ни подѣ какимъ видомъ не приходи изъ больницы домой, пока не выздоровѣетъ Маруся, а то принесешь заразу съ собой. Я буду васъ часто навѣщать!

И она долго стояла у воротъ и смотрѣла вслѣдъ удалявшейся каретѣ.

Пришелъ затѣмъ изъ аптеки какой-то господинъ и сдѣлалъ дезинфекцію всей квартиры. Потомъ потянулись дни за днями, въ которыхъ жизнь была выбита изъ колеи. Папа Александръ Николаевичъ, правда, продолжалъ ходить на службу, но Ольга Ивановна то и дѣло отлучалась къ Марусѣ въ больницу, надѣвала на себя бѣлый халатъ и просиживала около нея часами. Няня Наталья Кирилловна въ больницѣ и жила. Бѣдному Васѣ было скучно проводить цѣлые дни одному. Онъ слонялся по всѣмъ комнатамъ, ученье уже окончилось и нечѣмъ

было заняться. Онъ тосковалъ безъ сестры и скучалъ по матери и по нянѣ. И когда Ольга Ивановна возвращалась изъ больницы, то онъ бросался къ ней и начиналъ ее спрашивать о Марусѣ и о нянѣ съ такимъ интересомъ, точно обѣ онѣ жили въ другомъ городѣ.

Возвратившись послѣ экзамена въ гостиницу, Женя почувствовала голодъ. Съ сознаниемъ исполненнаго долга, она отложила къ сторонкѣ свои книжки, накрыла на столъ, позвонила челоуѣку и приказала ему подать самоваръ.

— Скоро придутъ Дима, Ѳедоръ Степановичъ и дядя... сказала она себѣ. — Надо будетъ напоить ихъ чаемъ.

И дѣйствительно, скоро возвратились Дима и Ѳедоръ Степановичъ.

— А мы познакомились съ однимъ мальчикомъ, заявилъ Дима, влетая въ номеръ. — Онъ тоже учится въ гимназій. Вася Хомутовъ. Мы провожали его домой и къ намъ навстрѣчу вышла его мама. Не вѣришь? Спроси у Ѳедора Степановича! Его маму зовутъ Ольга Ивановна.

Начались разспросы, разговоры, во время которыхъ пріѣхалъ и Сергѣй Андреевичъ. Онъ очень удивился, найдя дѣтей уже дома, и похвалилъ ихъ за успѣхи. Снова начались разспросы и пересказы, какъ кто отвѣчалъ, кого о чемъ спросили на экзаменѣ, какой учитель добрый и какой злой. Дима сталъ представлять одного изъ учителей и всѣ

весело смѣялись. Пили чай, ѣли свѣжіе пирожки, которые Сергѣй Андреевичъ принесъ съ собой, и всѣмъ эта номерная жизнь съ чаемъ вмѣсто завтрака показалась новой и интересной.

— Ну, дѣтки, сказалъ затѣмъ Сергѣй Андреевичъ, — я долженъ васъ немного огорчить.

— А что такое? спросили всѣ разомъ.

— Вамъ придется прожить здѣсь недѣлки двѣ... Такъ складываются мои дѣла, что я пробуду здѣсь еще цѣлую недѣлю, а затѣмъ одинъ, безъ васъ, уѣду дней на десять въ Москву...

— А какъ-же мы безъ тебя? испугался Дима.

— Вы останетесь здѣсь съ Федоромъ Степановичемъ, будете кататься съ нимъ на пароходахъ, время и пройдетъ незамѣтно! Къ тому-же надо запасться платьемъ на цѣлый годъ, а сразу этого не сдѣлаешь. Надо заказать для Димы форму — мундирчикъ, курточку, длинные штаны и пальто, да и для Жени тоже нужно форменное коричневое платье, кофточки, шляпка, то да се... Вѣдь всего этого у насъ въ усадьбѣ не достанешь.

И, отдохнувъ немного, Сергѣй Андреевичъ взялъ Диму и Женю и отправился вмѣстѣ съ ними по магазинамъ дѣлать покупки. Накупивши разныхъ матерій чуть не цѣлый возъ, они отправились съ ними къ портному и къ модисткѣ.

Съ Димы портной снималъ мѣрку, долженъ былъ шить для него длинные штаны и это занимало новаго гимназиста такъ, что онъ даже дрожалъ.

Когда возвращались домой, то уже вечерѣло и на бульварѣ играла музыка. Съ Волги доносились гудки пароходовъ и тянуло запахомъ нефти. Женѣ очень хотѣлось пойти ва бульваръ погулять, но усталость давала себя чувствовать и не было еще и девяти часовъ, когда она, Вѣрочка и Дима улеглись спать.

Утромъ, взявши съ собой Женю, Сергѣй Андреевичъ отправился на Дворянскую улицу посмотреть у какой-то своей знакомой Анны Захаровны комнату для Жени, Вѣрочки и Димы. Комнату эту сдавали для нихъ со столомъ и ему было пріятно, что всѣ эти двѣ или три недѣли они будутъ жить въ семьѣ и питаться, какъ слѣдуетъ. Другую комнату онъ снялъ для Федора Степановича.

— Ну, вотъ и отлично! воскликнулъ онъ, когда дѣло было уже слажено. — Сегодня-же мы переедемъ изъ гостинницы сюда, я устрою васъ и потомъ уѣду въ Москву.

Они вышли отъ Анны Захаровны и, не спѣша, побрели пѣшкомъ на Театральную площадь. Было тепло и тихо, кричали въ чьемъ-то саду грачи и суетились въ кустахъ воробы. Женя шла и мечтала о томъ

какъ будетъ хозяйничать въ этихъ двухъ комнатахъ, какъ ихъ обставить и какъ осенью, когда уже прїѣдетъ сюда учиться совсѣмъ, будетъ приглашать къ себѣ подругъ и ходить въ гости сама. Раньше всѣхъ она пригласитъ къ себѣ Марусю, съ которой познакомилась въ гимназіи, и ея маму Ольгу Ивановну. Счастливая Маруся! У нея есть мама и папа и она живетъ вмѣстѣ съ ними всегда!

Какъ вдругъ Женя вздрогнула и схватила Сергѣя Андреевича за руку.

— Дядя! дядя! воскликнула она.— Гляди! Гляди скорѣе сюда!

— Куда? На что? удивился Сергѣй Андреевичъ.

Она схватилась рукою за сердце и не въ силахъ была говорить. Волненіе овладѣло всѣмъ ея существомъ. Щеки у нея запылали.

— Это она!.. еле имѣла она силъ произнести.

— Кто она? спросилъ Сергѣй Андреевичъ.— Про кого ты говоришь?

— Моя няня!.. Наташа!

— Гдѣ?..

Женя указала ему на карету, проѣхавшую мимо и направляющуюся вдоль улицы къ больницѣ.

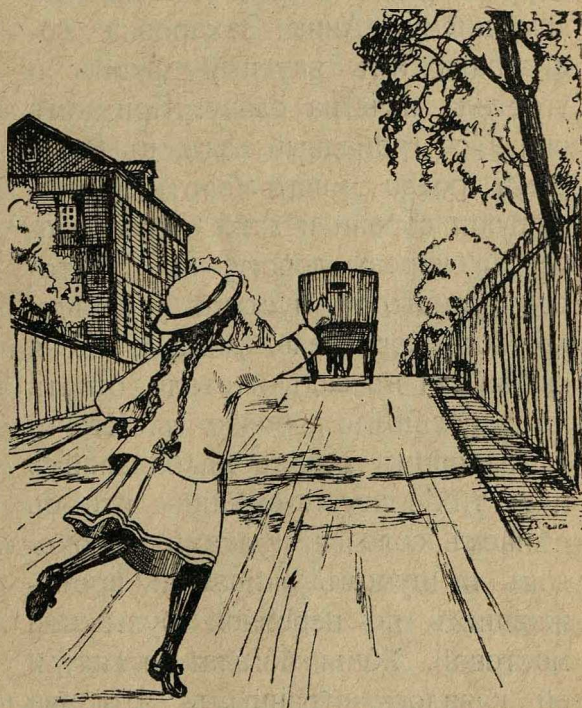
— Она тамъ!.. Въ каретѣ!.. Няня! Няня!..

Она со всѣхъ ногъ побѣжала вслѣдъ за каретой, но ее не услышалъ никто и карета не остановилась. Ухватившись за грудь, Женя оперлась спиною о заборъ

и стала тяжело дышать. Сергѣй Андреевичъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и пылливо поглядѣлъ ей въ глаза.

— Ты все еще думаешь о своей нянѣ? ласково спросилъ онъ ее.— Успокойся, бѣдняжка! Едва-ли она здѣсь. Тебѣ такъ показалось потому, что ты часто и долго думаешь о ней.

И онъ повелъ ее въ гостиницу. Всю дорогу она молчала и ей было радостно, что она такъ близко, такъ ясно увидѣла въ проѣзжавшей мимо каретѣ няню и въ то-же время было страшно, что это могло ей только представляться, какъ представляется многое людямъ, о которыхъ говорятъ, что они сходятъ съ ума.

Она со всѣхъ ногъ побѣжала вслѣдъ за каретой.

А въ это время карета уже въѣхала въ больничный дворъ и Марусю на рукахъ внесли въ больницу. Приѣхала вслѣдъ затѣмъ и Ольга Ивановна. На нее надѣли чейто халатъ и начались хлопоты около больной. Няня Наталья Кирилловна, не спавшая всю ночь, бродила, какъ тѣнь, негодовала на то, что дѣвочку не оставили лечиться дома, и все время ее неотступно преслѣдовалъ знакомый голосъ, который она слышала, когда ѣхала въ каретѣ сюда, и который, точно съ неба, закричалъ ей откуда-то:

— Няня! Няня!

Въ тотъ-же вечеръ Сергѣй Андреевичъ со всѣми своими переѣхалъ изъ гостинницы на новую квартиру и расположился въ ней по домашнему. Анна Захаровна состряпала имъ вкусный ужинъ и угостила ихъ на славу. При домѣ оказался громадный садъ, въ которомъ росло много запущенныхъ кустовъ сирени и даже пѣлъ соловей, а черезъ дорогу, по ту сторону улицы, въ пустырь у сосѣда, кричалъ коростель. Дима и Женя выбѣжали въ садъ и стали бѣгать по заросшимъ дорожкамъ. Кто-то за заборомъ игралъ на балалайкѣ и ея тихіе звуки смѣшивались съ пѣньемъ соловья, гудками пароходовъ и шумомъ экипажей, проѣзжавшихъ по неровной булыжной мостовой. Женя бѣгала по саду и ей казалось страннымъ, что она попала такъ далеко, сюда, гдѣ лѣт-

нія ночи были бѣлы, какъ день, и гдѣ соловей не боялся никого и во весь голосъ распѣвалъ прямо въ городѣ свои громкія, удивительныя пѣсни.

Прошли десять дней и Сергѣй Андреевичъ уѣхалъ наконецъ въ Москву. Димѣ принесли форму, онъ не могъ на нее наглядѣться, но чтобы не заносить ее за лѣто, ему запрещено было ее до августа надѣвать. У Жени появились новая шляпа и жакетъ. Ѳедоръ Степановичъ тоже преобразился: онъ сшилъ себѣ чечучевый костюмъ и купилъ соломенную шляпу и въ такомъ видѣ водилъ дѣтей гулять на набережную и на бульваръ.

Однажды они шли по набережной и увидели мальчика, который стоялъ у рѣшетки и задумчиво глядѣлъ на Волгу. Когда они проходили мимо него, то онъ снялъ фуражку и раскланялся. Дима тотчасъ-же его узналъ.

— Это Вася Хомутовъ! воскликнулъ онъ и подбѣжалъ къ мальчику.

Вася тоже обрадовался ему и въ свою очередь подбѣжалъ къ Ѳедору Степановичу и къ Женѣ.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? обратился къ нему Дима.

— Такъ, ничего... отвѣтилъ Вася съ печалью въ голосѣ. — Стою и гляжу...

— Пойдемъ съ нами!

— Хорошо! Спросится мнѣ не у кого, такъ какъ сестра больна,

няня не живетъ дома, папа на службѣ, а мама уѣхала въ больницу. Я во всемъ домѣ одинъ и теперь могу идти, куда захочу!..

Мальчики взялись за руки и побѣжали впередъ. За ними слѣдомъ пошли Ѳедоръ Степанычъ, Вѣрочка и Женя. Дойдя до Лицея, они долго сидѣли около него на лавочкѣ и глядѣли на Волгу. Мальчики все время бѣгали и играли около нихъ, пока не захотѣли ѣсть. Тогда всѣ поплелись обратно. Когда проходили мило дома, гдѣ жили Хомутовы, то къ его воротамъ подъѣхалъ извозчикъ и съ него сошла Ольга Ивановна. Она была безъ шляпы, такъ какъ хотѣла послѣ больницы провѣтрить свои волосы, и шляпа лежала рядомъ съ ней на сидѣньѣ. Женя бросилась къ ней и стала ее цѣловать.

— Здравствуйте, какъживаете? заговорила она.—А мы все еще здѣсь, въ Ярославлѣ. Гдѣ Маруся? А это вотъ мой... двоюродный братъ... Дима!

Но Диму уже не нужно было представлять Ольгѣ Ивановнѣ. Онъ былъ съ нею знакомъ уже давно и, глядя на то, какъ Ольга Ивановна пожимала руку Ѳедору Степановичу и ласкала Диму, Женя въ удивленіи широко раскрыла глаза и смотрѣла то на того, то на другого, и никакъ не могла понять, какъ это могло случиться?

— А гдѣ-же Маруся? спросила она опять.

— Маруся у меня больна! вздохнула съ горечью Ольга Ивановна.— Лежить въ больницѣ. Но теперь, слава Богу, ей лучше и она поправляется... Сегодня уже она сходила съ кровати и хорошо ѣла.

И Женѣ стала понятна теперь фраза Васи, почему онъ остался во всемъ домѣ одинъ и почему могъ идти, куда только хотѣлъ.

Ольга Ивановна была очень утомлена и потому не пригласила своихъ новыхъ знакомыхъ къ себѣ. Она поговорила съ ними, спросила ихъ, гдѣ они остановились, и обѣщала привести къ нимъ Васю на цѣлый день.

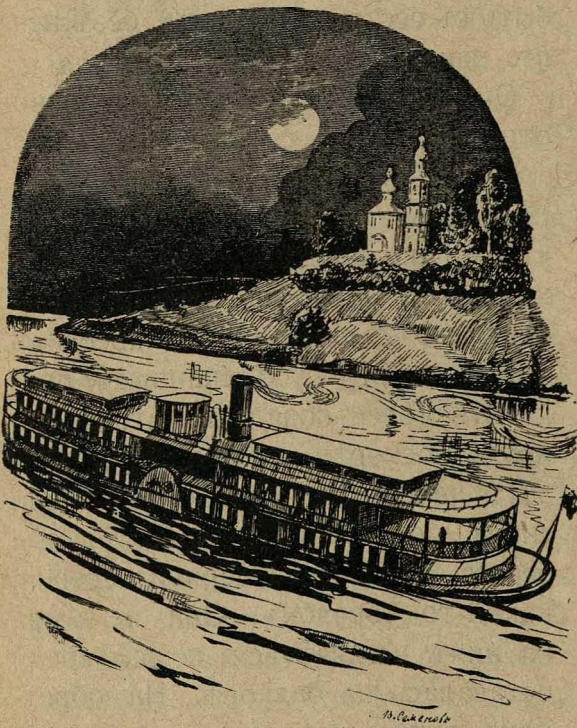
— Онъ у меня, бѣдный, скучаетъ! сказала она.—Все время привыкъ быть съ сестрой, а теперь безъ нея все одинъ, да одинъ.

Она простилась съ ними и они отправились къ себѣ домой.

На слѣдующій день Ѳедоръ Степановичъ, Женя и Дима пошли утромъ на пристань, сѣли на пароходъ и поплыли на немъ въ Рыбинскъ. Уѣзжая, Сергѣй Андреевичъ поручилъ Ѳедору Степановичу прокатить дѣтей подальше, чтобы для нихъ поскорѣе прошло время. И вотъ передъ жадными очами Жени снова потянулись очаровательные берега Волги, села, церкви, деревни, какой-то городокъ. Она не могла на нихъ наглядѣться и все время оставалась на балконѣ. На обратномъ пути ихъ засталъ въ дорогѣ вечеръ. Съ береговъ доносилось

пѣніе соловьевъ, Женя глядѣла, какъ луна отражалась въ спокойной водѣ, какъ зеркало, водѣ, слѣдила за тѣмъ, какъ пароходъ вѣзжалъ въ столбъ ея отраженія и какъ вода колебалась затѣмъ, точно расплавленное серебро. Каждый камень, каждая церковь и каждый выступъ на берегу говорили ей о далекомъ прошломъ этой великой рѣки и самая Волга разворачивала передъ ней страницу за страницей изъ русской жизни, которой она раньше въ Крыму не знала вовсе и о которой ей не рассказывалъ никто. И уже не въ первый разъ Женя задавала себѣ вопросъ:

— Гдѣ я? Неужели на чужбинѣ?

На обратномъ пути ихъ засталъ въ дорогѣ вечеръ...

И внутренній голосъ настойчиво говорилъ ей, что именно здѣсь, въ сердцѣ Россіи, она у себя дома, на своей родинѣ, и что именно здѣсь должна протекать вся ея дальнѣйшая жизнь.

Въ девять часовъ вечера вернулись въ Ярославль. Когда пріѣхали къ себѣ на квартиру, то Анна Захаровна сказала имъ, что въ ихъ отсутствіе приходила къ нимъ въ гости какая-то дама съ мальчикомъ, а затѣмъ прибѣгалъ и самый мальчикъ. Мальчикъ этотъ спрашивалъ Диму и очень опечалился, когда узналъ, что онъ еще не возвратился.

— Это навѣрное Вася Хомутовъ! рѣшилъ Дима.—Надо побывать у него и пригласить его къ себѣ.

Но Анна Захаровна вспомнила о чемъ-то и сказала:

— Чуть было не позабыла... Барыня эта велѣла вамъ передать, чтобы вы не приходили къ ней еще цѣлую недѣлю. У нея вернулась изъ больницы дочь, такъ еще срокъ не вышелъ, когда можно пускать къ ней дѣтей. И этого мальчика, ея братишку, тоже еще не пускаютъ къ ней. Барынѣ очень хотѣлось, чтобы онъ проводилъ время у васъ, а то ему одному скучно! А вы вотъ, какъ на грѣхъ, и уѣхали изъ города.

Анна Захаровна угостила путешественниковъ на славу и они ѣли за шестерыхъ. Потомъ всѣ

четверо усѣлись на диванъ и долго разговаривали о томъ, что видѣли за поѣздку.

Дома Женю ожидало письмо. Оно было отъ Прасковьи. Его написалъ

безцѣнными пальчиками мнѣ хоть одно словечко. А я буду его читать и плакать отъ радости горячими слезами. И уродить же Господь такое дите, какъ ты!»

Докторъ пріѣхаль.

кто-то подъ ея диктовку и Женя весело расхохоталась, когда его прочитала.

«Ангель ты мой архангельскій, писала Прасковья,—напиши своими

Женя смѣялась, но ей было пріятно, что о ней вспомнили, она положила письмо подъ подушку, раздѣлась, легла въ постель и еще долго не могла уснуть, думая о нянѣ,

о Прасковѣ и о томъ, что ей пришлось увидѣть и пережить.

Ночью всѣхъ въ домѣ разбудилъ своимъ стукомъ телеграфистъ. Онъ принесъ телеграмму Сергѣю Андреевичу отъ Нины Петровны. Всѣ встревожились и повскакивали съ постелей. Такъ какъ Сергѣя Андреевича не было дома, онъ зажился въ Москвѣ, то рѣшили распечатать телеграмму безъ него.

«Приѣхалъ неожиданно Аркадій. Остановился у Егоровны. Боюсь и не знаю, какъ поступить. Возвращайся поскорѣе».

Для дѣтей эта телеграмма была загадкой. Но Федоръ Степановичъ повидимому, что-то зналъ, потому что встревожился немного, но спохватился и постарался скрыть это отъ дѣтей. А утромъ онъ отправился на почту и самъ подалъ тамъ телеграмму въ Москву на имя Сергѣя Андреевича, которой приглашалъ его какъ можно скорѣе вернуться въ Ярославль и ѣхать за тѣмъ въ усадьбу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Гр.—

ЗАПИСКИ КРИ-КРИ.

Прежде всего—позвольте представиться: я—Кри-Кри, мартышка, мнѣ шесть лѣтъ; я считалась красивой. Я очень веселаго нрава, люблю проказить, корчить гримасы, передразнивать и надоѣдать. Но это я дѣлаю отъ чистаго сердца, вовсе не желая причинить комунибудь непріятность.

Я очень люблю своего хозяина, его жену и двухъ ихъ дѣтей. Чтобы доставить имъ удовольствіе, я готова выскочить на улицу изъ окна третьяго этажа и выпить цѣлую бутылку чернилъ.

Я слышала не разъ, какъ хозяинъ говорилъ обо мнѣ, что я очень умна. И дѣйствительно, я могу кататься верхомъ на собакѣ, прыгать черезъ обручъ и дѣлать все-

возможныя гримасы. Я отлично продѣлываю на трапеціи всевозможныя штуки и однажды даже, желая потѣшить своихъ хозяевъ, уцѣпилась хвостомъ за висячую лампу въ столовой и повисла внизъ головою надъ обѣденнымъ столомъ. Къ сожалѣнію, лампа не выдержала, сорвалась съ крючка и я упала головой прямо въ миску съ супомъ.

Но каковы бы ни были мои достоинства, у меня есть и недостатки. Главный изъ нихъ тотъ, что—я большая лакомка. Я могу ѣсть когда угодно, что угодно и сколько угодно. За щеками у меня есть два мѣшка и я складываю въ нихъ все, что могу найти. И стоитъ только мнѣ захотѣть поѣсть, какъ я выталкиваю языкомъ изъ мѣшка спрятан-

ный въ немъ орѣхъ или кусочекъ хлѣба и съѣдаю. Это-то всегдашнее желаніе покушать и лишило меня свободы.

Я отлично припоминаю тотъ яркій, солнечный день, когда я находилась у себя на родинѣ, въ Африкѣ въ густомъ тѣнистомъ лѣсу, въ которомъ росли бананы, вѣрные пальмы, финики и хлопчато-бумажные кусты. Вы не можете себѣ представить, какое удовольствіе перелѣзать съ дерева на дерево, прислушиваться къ крикамъ удивительныхъ птицъ, которыя блистаютъ на солнцѣ своими яркими перьями, какъ драгоценные камни! Ліаны гирляндами вьются вокругъ стволовъ деревьевъ и спускаются внизъ съ ихъ вершинъ, покрывая ихъ множествомъ цвѣтовъ.

Но тогда я не особенно обращала вниманіе на всю эту красоту: тогда у меня была своя работа: не попасться на зубы леопарду или шакаламъ. Моя милая мать все время была около меня, стерегла меня и старалась покормить чѣмъ-нибудь повкуснѣе.

Она очень хорошо знала мою слабость—хорошо поѣсть и потому часто мнѣ говорила:—

—Берегись, твое обжорство не доведетъ тебя до добра!

Но я ея не слушала и старалась отдѣлаться одними шутками.

Наша жизнь въ лѣсу протекала очень счастливо и шумно. Мы жили въ большомъ ладу съ попугаями,

такъ какъ можно съ увѣренностью сказать, что гдѣ въ Африкѣ встрѣчаются попугаи, тамъ живутъ и мартышки, и наоборотъ—присутствіе попугаевъ можно предположить во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчаются и мартышки.

Мы живемъ большими обществами. Жизнь у насъ въ такихъ обществахъ бьетъ ключемъ: мы ссоримся, деремся, кричимъ и миримся, лазаемъ по деревьямъ, бросаемся плодами и вѣтками, играемъ, виснемъ внизъ головой на хвостахъ и дѣлаемъ гримасы. Мы не признаемъ надъ собой никакой власти и слушаемся развѣ только того изъ насъ, кто больнѣе всѣхъ дерется и бьетъ насъ по щекамъ. Мы никогда не заботимся о жилищѣ о пищѣ и питьѣ, такъ какъ въ родномъ лѣсу всегда къ нашимъ услугамъ готовъ и столъ и домъ, стоитъ только взобраться повыше на деревья. Насытившись, мы садимся на вѣтвяхъ и стволахъ и грѣмся на солнышкѣ. Въ это время наши матери кормятъ грудью своихъ младенцевъ, а болѣе взрослыя мартышки ищутъ другъ у дружки въ головахъ.

Когда-же мы попадаемъ въ такую мѣстность, гдѣ всѣ плоды на деревьяхъ съѣдены или еще не дозрѣли, то мы отправляемся на грабежъ. При этомъ мы проявляемъ особенное нахальство. Подъ предводительствомъ самаго старшаго изъ насъ мы всѣмъ стадомъ от-

правляемся къ какому-нибудь засѣянному полю. При этомъ наши матери несутъ своихъ ребятъ у живота, а младенцы крѣпко держатся своими хвостиками за ихъ хвосты.

Если все благополучно, то нашъ вожакъ поощраетъ насъ звуками, похожими на кашель, и мы подбираемся къ полю. Дойдя до поля, мы сразу бросаемся на него, отламываемъ со стеблей початки кукурузы, вычищаемъ изъ нихъ зерна и стараемся быстро засунуть ихъ въ наши защечные мѣшки. Когда мѣшки эти бываютъ наполнены, то мы начинаемъ играть: мы продолжаемъ отламывать отъ стеблей початки кукурузы и бросаемся ими другъ въ друга. Если-же выбѣжить вдругъ человѣкъ съ ружьемъ, то вожакъ издаетъ громкій дребезжащій звукъ и всѣ мы опрометью бросаемся обратно въ лѣсъ. Но при этомъ мы не испытываемъ ни малѣйшаго страха; напротивъ, въ такихъ случаяхъ намъ бываетъ весело, мы дурачимся на пути, дѣлаемъ гримасы и кривляемся на разные лады.

Мы не боимся никакихъ хищныхъ звѣрей, никакихъ хищныхъ птицъ. Отъ звѣрей мы всегда спасаемся на вершины деревьевъ, куда они ни въ какомъ случаѣ взобраться не могутъ, а птицъ мы прогоняемъ палками и вѣтвями. Если-же кто-нибудь изъ насъ и попадаетъ иногда въ зубы къ леопарду или шакалу,

то это потому, что по глупости своей или по обжорству долго засидится на землѣ. Но кого мы страшно боимся, такъ это змѣй. Передъ ними мы дрожимъ всѣмъ тѣломъ, подъ ихъ взглядами мы застываемъ на мѣстѣ и отдаемъ въ ихъ полную власть. Онѣ кушаютъ насъ, и въ особенности нашихъ малышей, сотнями.

Иногда мы хвораемъ. Чаще всего у насъ болитъ животъ и бываютъ раны, которыя мы причиняемъ другъ другу въ дракѣ. Боль живота наши матери излечиваютъ намъ тѣмъ, что прижимаютъ насъ къ своему животу и это служитъ намъ какъ-бы припаркой или грѣлкой, которую употребляетъ для себя въ такихъ случаяхъ и человѣкъ, а къ ранамъ мы прикладываемъ себѣ жеванную траву, похожую на табакъ.

Въ темныя ночи мы крѣпко спимъ на вершинахъ деревьевъ, цѣпко ухватившись за ихъ вѣтви хвостами. Когда-же свѣтитъ луна, то мы всю ночь проводимъ въ играхъ, проказничаемъ, или-же дѣлаемъ набѣги на сосѣднія кукурузныя поля.

Однажды вечеромъ, рѣзвясь при свѣтѣ луны на мягкой зелени у опушки лѣса, я увидѣла у подошвы одной банановой пальмы какой-то странный предметъ, какого еще ни разу въ жизни не видывала. Это была громадная желѣзная бутылка съ очень узенькимъ горлышкомъ. Я не безъ колебанія подошла къ этой удивительной вещи, которая въ одно

и то-же время и манила меня къ себѣ, и пугала.

Оглядѣвшись по сторонамъ, я заглянула въ горлышко этой бутылки и увидѣла въ ней... Ахъ, зачѣмъ я заглянула въ нее! Я увидѣла тамъ то, что навѣки лишило меня свободы: превосходныя, крупныя, желтыя зерна самой спѣлой кукурузы.

И я просунула въ горлышко бутылки свою правую руку и схватила въ ней полную горсть зеренъ.

Когда-же я хотѣла вытянуть руку обратно, то это оказалось невозможнымъ. Я стала упираться, трести бутылъ другою рукою, но все оказалось напраснымъ; рука моя уже больше не вынималась изъ бутылки, такъ какъ сквозь горлышко не пролѣзалъ зажатый кулакъ. Это стало меня беспокоить. Приходилось или разжать кулакъ и лишиться зеренъ, или-же пожертвовать свободой. Тогда я почесала лѣвой рукой у себя въ головѣ и сказала:—

— Не надо сердиться... Нужно все обдумать хорошенько. Вѣдь рука вошла въ бутылъ свободно; почему-же она такъ-же свободно не выходитъ изъ нея! Нужно упереться въ бутылъ задними ногами и постараться вытянуть руку изъ всѣхъ силъ...

Я уперлась въ бутылъ задними ногами и потянула руку,—но результатъ оказался тотъ-же самый. Конечно, можно было-бы свободно вытащить руку изъ бутылки, если-бы я разжала горсть и высыпала

изъ нея зерна обратно. Но развѣ я могла это сдѣлать? Развѣ я могла разстаться съ такими крупными вкусными зернами?

Тогда я вспомнила о матери и стала кричать. Бѣдная мать! Заслышавъ мои крики, она тотчасъ-же прибѣжала ко мнѣ и я рассказала ей, въ чемъ дѣло. Она шлепнула меня ладонью по затылку и сказала:

— Брось сейчасъ-же зерна! Можетъ быть, рука и осводится!

— Но, мама, отвѣчала я ей, — вѣдь это кукуруза! Да еще спѣлая!

— Лучше потерять зерна, чѣмъ свободу! продолжала мать.—Брось сейчасъ-же!

— Но вѣдь это моя находка! Она должна принадлежать мнѣ!

— Это невозможно!

— Мама, я попытаюсь еще разъ вытащить руку, не разжимая горсть.

— Послушайся меня, моя милая мордочка, разожми свою ладонь!

Но я не хотѣла разстаться со своимъ сокровищемъ и не хотѣла слушать мать. Я бѣшено стала потрясать посудой и тащить изъ нея руку, надѣясь, что горлышко расширится и я вытащу сквозь него полную горсть. Мать все еще продолжала уговаривать меня, но я рассердилась на бутылъ, стала плакать и рѣшила не разжимать горсти, чтобы со мной ни случилось.

— Ты упряма, какъ твой покойный отецъ! закричала на меня мать.— Онъ уже погибъ, благодаря своему обжорству!

Какъ вдругъ въ кустахъ послышался шумъ. Какіе-то два человѣка, одѣтые въ бѣлые костюмы, вышли изъ нихъ и направились прямо къ намъ.

— Пафъ! пафъ! раздались вдругъ два выстрѣла и моя бѣдная мать, схватившись обѣими руками за раненую грудь, повалилась къ моимъ ногамъ.

Я сразу какъ-то одурѣла. Я не понимала ровно ничего, что вокругъ меня происходило, но цѣпко держала свою добычу и не разжимала ладони.

Одинъ изъ людей подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за шиворотъ.

— Славная обезьянка!.. сказалъ онъ.—Я отнесу ее къ нашему командиру.

— Превосходно, отвѣтилъ другой.—Но посмотри, дружище, она все еще не хочетъ разстаться съ зернами! Вотъ не ожидалъ, что такъ легко и глупо ловятся обезьяны!

И оба они стали смѣяться.

Затѣмъ одинъ изъ нихъ сдѣлалъ съ бутылью что-то такое, отъ чего горлышко растворилось, и освободилъ мою руку. Увидѣвъ въ своей горсти спѣлыя кукурузныя сѣмена, я стала ихъ быстро ѣсть. Они подождали, когда я всѣ ихъ съѣла, и взяли меня на руки. Тогда я поняла, что попалась, и стала жалобно стонать. Но они не сжалились надо мной и унесли меня изъ родного лѣса къ себѣ на пароходъ и пода-рили меня своему командиру.

Командиръ привезъ меня въ Суэцъ и здѣсь подарилъ меня моему теперешнему хозяину, капитану русскаго судна, шедшаго изъ Дальняго Востока въ Россію.

Хозяинъ далъ мнѣ имя Кри-Кри и повезъ меня въ Европу. И вотъ я въ Россіи, часто не вижу вовсе солнца и вспоминаю о своей матери и о родномъ лѣсѣ. Я часто тоскую.

Милая мать! Зачѣмъ я не слушалась тебя! Зачѣмъ не разжала тогда кулакъ?

Но, быть можетъ, это мое приключеніе заставило меня быть меньшей лакомкой и довольствоваться тѣмъ, что дадутъ? Ничуть не бывало! Часто и теперь, когда кухарка Прасковья зазѣвается и оставитъ дверь въ кухню отворенной, я тихонько пробираюсь въ кухню, вскакиваю на столъ и, схвативъ съ него самую спѣлую морковку или лукъ, со всѣхъ ногъ бросаюсь подъ лѣстницу и начинаю ѣсть...

Я обожаю морковку и лукъ. Въ особенности лукъ. А отъ порея—я просто безъ ума. Я могу его съѣсть, сколько угодно.

Но вотъ уже слышенъ звонокъ. Это возвращаются мои господа. Сейчасъ имъ отворить Пелагея, которая вернулась изъ театра, не заставъ тамъ ни одного свободнаго билета. Я складываю эти мои записки и посылаю ихъ въ редакцію «Золотого Дѣтства». Авось ихъ тамъ напечатаютъ. Такъ и попрошу подписать:

Кри—Кри.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

(шутки)

1) Зачѣмъ въ Малороссіи разводятъ фруктовые сады?

2) Чѣмъ отличается слонъ отъ рояля?

3) Когда собака бѣгаетъ задомъ?

4) Почему дамы любятъ вышивать?

5) Почему товарный поѣздъ ѣдетъ по 30 верстъ въ часъ, тогда какъ курьерскій—по 60 верстъ въ часъ?

6) Почему во время бури пароходъ качается съ бока на бокъ?

II.

Двое слѣпыхъ сказали сопровождавшему ихъ человѣку:

— Мы съ тобой—дѣти одного отца и одной матери, но ты намъ не сестра и мы тебѣ не братья. Разойдемся-же по сторонамъ!

Кто были слѣпые и сопровождавший ихъ человѣкъ?

III.

На перекресткѣ двухъ дорогъ стоялъ путникъ и размышлялъ такъ:

— Если я сверну направо, то мѣсто, куда я долженъ идти, будетъ отъ мѣня влѣво; а если сверну влѣво, то оно будетъ отъ меня, направо. Если-же я встрѣчу сейчасъ какого-нибудь человѣка, идущаго изъ того мѣста, куда мнѣ нужно идти, то онъ будетъ смотрѣть на

сѣверъ, а я на югъ, и оба мы будемъ видѣть другъ друга спереди.

Куда путнику нужно было идти?

IV.

Задумано слово, состоящее изъ тринадцати буквъ: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 и 13. Буквы 4, 6, 10, 9, 13 означаютъ принадлежность печки, 12, 11, 7, 9, 13—то, что растеть въ лѣсу, но не цвѣтеть, 9, 1, 6, 5, 12, 13—то, безъ чего не мыслима ни одна рѣка, 8, 7, 4, 2, 3—то, что можетъ пролѣзть въ игольное ушко, 4, 3, 9, 3, 2, 13—то, что пока растеть—цвѣтеть, а когда выростеть, то дымить, 4, 7, 12, 11, 13—дикаго звѣря, 2, 3, 4, 1, 6, 13—паровую лодку.

Отгадать эти слова и задуманное слово, которое означаетъ названіе города въ Восточной Россіи?

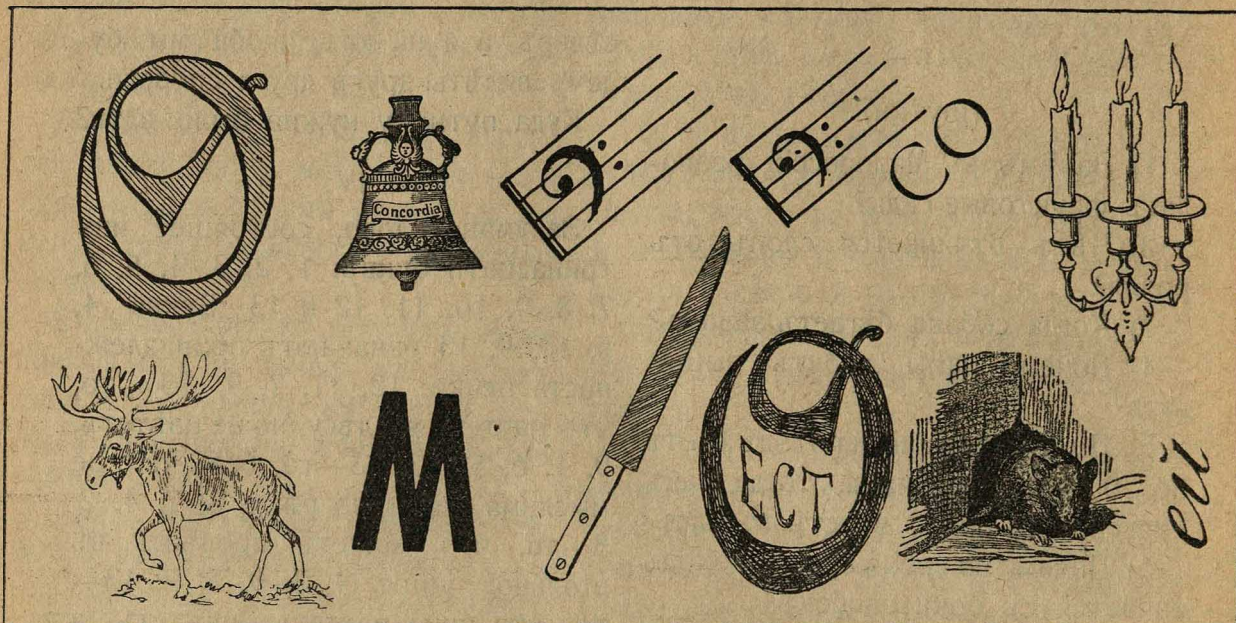
V.

Если къ названію ноты прибавить часть тѣла, то получи́ся рыба. Какая это рыба?

VI.

Въ двухъ лукошкахъ—12 яицъ. Если изъ праваго лукошка взять два яйца и переложить въ лѣвое, то въ немъ окажется вдвое больше яицъ, чѣмъ въ правомъ, а если изъ лѣваго взять три яйца и переложить въ правое, то въ правомъ окажется втрое больше яицъ, чѣмъ въ лѣвомъ. Сколько яицъ въ каждомъ лукошкѣ?

Ребусъ № 6.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребусовъ, помѣщенныхъ въ № 4 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Баранъ и барабанъ. II. Барыня и рабыня. Ш. Осока, городской, масло, изба, попугай, крыса, рай=колбаса. IV. Соколы и колосья.

Ребусъ № 4: Часъ+т+олени+вые+зубъ+ря+турокъ+пе+ре+д+ухомъ+домъ+въ ш+коль+у=Часто лѣнныя зубрятъ урокъ передъ уходомъ въ школу.

Вѣрные рѣшенія прислали: Оля, Шура и Маша Өомины, Д. и И. Абрамсонъ, Ю. Гутманъ, Н. Е. Федоровъ, А. Квасниковъ, К. и М. Поляковы, С. Лукьяновъ, С. Кушниръ, М. Вейнштордъ, Н. Пономаревъ, Сережа и Митя, Н. Антоновичъ, Березинъ, А. Ольшанская, Г. и К. Кудрявцевы, О. Бодло, Иванъ-вѣникъ, Пархалочка, Аркадикъ, Чижичекъ, Хориха, Дѣти и мама Лаврентьевы, Н. Савельевъ, Л. Роммъ, М. и Е. Буцынскіе, Н. Айзенбергъ, И. Иванова, П. Бѣликова, И. Соколова, К. Дороховъ, И. Крючковъ, И. Лебедевъ, Л. Евстифѣевъ-Осѣкинъ, В. Гальдинъ, В. Лепинъ, Б. и А. Кичинъ, Б. Тиговъ, А., К. и С. Орловы, Старкова, Е. Киселевъ, Н. и В. Дубинины, Л., Э. и Р. Зайлеръ, П. Першинъ, В. Востряковъ, В. Чернявскій, Л. Богдановъ, М. фонъ-Шульцъ, С. Файнбергъ, Г. Затмилова, К. Поповъ, Т. Маркова, Н. Вишневская, Ш. Савицкій, Л. Чудинова, А.

и С. Цвибельбергъ, С. Радецкая, Н. Ефимова, Н. Ляховъ, Ванагасъ, А., С. и Л. Здановичи, П. Чирковъ, В. Бабицкая, М. Кравчинскій, Т. Андреева, В. Александровъ, Б. Кондратьевъ, К. Тютчевъ, В. Поспѣловскій, З. Матвѣевская, П. Н. Ивановъ, М. Усенко, Б. Быстряковъ, Х. Элентухъ, М. Кириллова, О. Мантьева, А. Воздвиженская, В. Поставская, Л. Базилевская, Д. Благовѣщенскій, М. Оглю, Э. Бойманъ, В. Кобычевъ, К. Фонтонъ, В. Шелковниковъ, Н. Абашинъ, В. Ефремовъ, Н. и Ж. Янсенъ, Ю. Сафонова, В. Сбойлева, О. Коровая, В. Зейлертъ, В. Соколо-Поповскій, Ж., Ш. и Н. Дубницкіе, Л. Бартельева, М. Реймерсъ, Валя и Шура, Л. Красовская, М. Герасевъ, С. и В. Чердынцевы, Н. Кеслеръ, Б. Мурзакевичъ, Б. и О. Курочкины, В. Хиленко, С. Лукинъ, М. Всеволожскій, М. и В. Плетниковы, М. Вейштордъ Э. Нейманъ, Т. и С. Юфитъ, Н. Тютчевъ, О. Пичекъ, А. и І. Мизрохъ, З. Мятжева, М. и Е. Зимины, В. и В. Гольбергъ, К. Глухова, В. Сбойлева, Б. и Т. Ильченко, З. Васильева, С. Липскерова, Л., В. и А. Терентьевы, Т. Запольская, И. Гольденбергъ, Дѣти Дубницкіе, Т. Ерозолимская, В. Рагозинъ, Б. Мурашовъ, Н. Иванова, В. Гарбузова, М., Ю. и Ю. Сафоновы, М. и В. Плетниковы, В. Смола.

ГОДЪ ДЕСЯТЫЙ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕИ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходить ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается вѣншимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакція задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарady и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенныя въ четыре краски), ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**

(кудильсы, занавѣсъ, декораціи, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

◆ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ◆

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ учебныя бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 Р. 80 К.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.